

Формаслов

Москва

2022

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
К95

К95 Кутенков Борис
память so true / Б. Кутенков ; сост. Е. Перченкова ; по-
слесловие А. Мошкова. — М.: Формаслов, 2022. — 108 с.

ISBN 978-5-6046172-4-3

*Книга издана при финансовой поддержке Министерства
культуры Российской Федерации и техническом
содействии Союза российских писателей*

«память so true» — пятый поэтический сборник Бориса Кутенкова. В него вошли стихи, написанные в период с 2017 по 2021 год. «Память» и «правда», так тесно вставшие рядом в названии книги, в каждом стихотворении обнажают лица друг перед другом, взаимопроникают и овеществляются в единственно возможном виде — становятся поэтическим письмом, уже неотменимым, наставшим навсегда.

ISBN 978-5-6046172-4-3

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Б. Кутенков, текст, 2022
© М. Юганова, дизайн обложки, 2022
© Формаслов, 2022

БОРИС КУТЕНКОВ

ПАМЯТЬ SO TRUE

I

ЧЕЛОВЕКУ И САДУ ЕГО

* * *

как ягоде куста на ревности взрослось
как черепной земле на старости взболелось
так я тебя люблю сквозь двинутую ось
сквозь гронасовский лёд и седаковский мелос

в прицеле параной всевидящей чека
твой умный лунатизм но окуляры стрёма
не различат тебя сквозь линзу цветника
по запчастям портрет — и вроде всё знакомо

вот андрогинный фас вот хрупкий лепесток
тут — простоты ярлык на образ метамета
вот эпатажный жест в отдельности жесток
и линза взад-назад под искажённым светом

вот коммента нытьё ей чудится за жизнь
в девической слезе не распознавшей Бога —
красавица моя крутись себе крутись
под -изма слепотой и плёнкой филолога

которому вот-вот — ударом по глазам
на нелюбви свету докостно пробирая
а ты и сам с усам умеешь ты и сам
и страшно под пыльцой растерянного рая

в глазах ещё ожог бензиновый цветной
пароли к ебням
та тяжесть что не сдвину
а ты медаль медаль ты новой стороной
и побелевший ум с орбит как пёс цепной
как верящая мать за безвозвратным сыном

* * *

I.

Музыкой стань, драгоценный твой лёд,
слово расплавь, мой порыв неотсюда;
в сердце — заслонка от русских тенёт,
Райнер Марину светло оттолкнёт
всей полнотою сосуда.

Станет, не станет нестрашной грозой —
речь мезозойна, от прочей закрой
слух, только к ней продлеваясь лицом.
Близкое небо над Череповцом.

II.

Слово стоит с молодым поплавком,
с белой блесной в кистепёрой губе,
рилькевский мертвенный свет ни о ком,
верю ему — и не верю себе,

в сторону смотришь — на всё, что не я,
верю всему, что не я, что не ты:
преображённая речь-попынья,
честное дно, письма темноты.

* * *

Александру Паршенкову

I.

как белое яблоко — в чёрный налив труда
как тёмное яблоко — жгучей беде разлома
скажи мне так тихо что горе не навсегда
что не было горя что горе тебе знакомо

за минских три дня
изучивший пути стыда
истерик моих вопрошающе-терпеливо
скажи что за вторником будет опять среда
за раной разрыва — изученный путь разрыва

и знающий сердцем куда мне теперь идти
наитьем бездонно-детским себя не зная
скажи что простишься до адовых тридцати
до пули что белым цветком прорастёт сквозная

ещё до вопроса в разлитое молоко
до всех поджидаев что в белом «недалеко»
до каменных джунглей в твердеющей ране речи

что смерть с нами будет на «ты»
но уже легко
ушедшим к себе
а оставленным легче
легче

II.

и покуда в небе ментовский гул
 под огнём собянинского апреля
 кто влетел — влетел
 кто уснул — уснул
 лишь заблудший вспомнит как шли и пели

безнадзорной памяти дребедень
 городов о многом границ о многом
 сдрывни чёрт-во-мне пролистной олень
 невозврата точку продевший рогом

в прежнем сне на музыку опершись
 но пока и ей не прошить границы
 расскажи что будет — внахлёт ли жизнь
 снова кэпсом в личку ли «застрелиться»

новый друг случившийся невпопад
 на окно присевший спасенья тише
 изучать влетевший весенний ад
 юнкершмидта весенний ад
 и о смерти накрепко запретивший

между тем и этим один связной
 в неученья тьме в разобценья клетки
 вопрошаньем спасший одним весной
 как умеют лишь мотыльки и дети

верь во весь двадцатник —
 и будет в нас
 «как тогда» не надо —
 но по-другому

детский шмель сквозь душу прошедших глаз
 взлётный свет большого аэродрома

* * *

Николаю Васильеву

где жизнь убывает, где ты убываешь, не весь,
но — дерево полурассвета, но — ветви без денег —
там женщина входит, проснись поскорее, я здесь
огнём заблудившимся, чёрным трудом запределяя

в ней птица дрожит соловей и трава-чистотел
и тайна горит мизогина в небесном июне;
смотри же на голое небо, как я посмотрел
отплытия прежнего, нового сна накануне

на стебле качается, стебле тончайшем, слепя
в тебе полутёмного нищше сквозь белые блики,
и так говорит: всё равно потеряю тебя,
вся правда — о дереве страшном твоя, двуязыкий

ты — ветви больные, ты — ад замерзающий, спи,
закончено время, оставлены долгие крики;
вся правда твоя — не со мной, в этой страшной степи,
вперёд, говори, говори же, известкоязыкий

себе — недоделанный космос неспящих обид
другим — перелёт новогодний, легко и недлинно
и слово её прибывает в тебе и горит
как высшая тяга
на ёлке последний кульбит
цветы и горячая глина

* * *

надень смертельный свой наряд в небывшее сыграем
ты будешь ноша по плечу я скрипка ни при чём
где смертник мир преобразив болит о взлётном рае
и бродит глупенький иов грозясь больным лучом

давай меняться на раз-два ты музыка пробоин
ты свет которому равны я мир которому равно
и лишь невзлётное в лице застыло у обоих
как на губах больной страны докрымское вино

а может так
ты молоко на языке простудном
я голос не хотящий плыть из дословесных тайн
проспать рожденье взаперти как на работу утром
сорвать бессмертье так легко как мудаку дедлайн

но сроки всем уже по грудь и свет глядит проворен
хемингуэевским скопцом на законные дела
где всем приятно быть толпой и сладко на работу
и на минуту отложить
спокойствие ствола

ПЭЧВОРК

I.

так говорит, как первый грех пришёл — и говорит;
как будто в чёртовой игре исхожен ближний вид,
но вечен бред, единствен лёд, где тонут — всемером;
так первым делом — самолёт, а человек — потом;
как плод, что до поры затих, в тебе взрастив чумную мать,
как будто в мире нет других и больше не бывать;
как будто дважды два не два, не три, а чёрт в трубе,
и если данность и жива, то — больше не в тебе;
как будто зеркало — не рай, но ад — зеркальный брат;
как будто — «встань и поиграй» — убитому стократ;
так в плеске-памяти весла, когда другим тебя несло,
больная юность ожила, прильнула тяжело;
всё о себе, цветёт и пьёт из вены смерть мою и страх,
как будто очумелый год на скоростных ветрах,
растёт, как тело-чистотел, и светом наповал;
как будто хаос налетел и смерть расцеловал

II.

небо низко. детство далеко.
юность бьёт в уснувшее ребро,
подступает к мёртвому виску.

в ноябре над суздадем темно.
бьётся птицей выпущенный ад,
белым полудетским завитком.
больше клетки говорит.

и щебечет белокурый бред:
— я — не я, а сотворивший луч,
я из праха сотворил тебя,

из дедлайна, смерти, немоты;
 разум вбросил в сумрачный пэчворк;
 ты — не ты, я породил тебя,
 произвёл на время — и убью.

если ты уснувшее ребро —
 я в него горящий бес;
 если пляска пули у виска —
 я насквозь прошедший, не убив.

сын и ужас твой.
 сын и ужас твой.

забоюсь горенья твоего —
 в то вернёшься, что ещё не пламя;
 утрашусь родившего ребра —
 снова в смерть и старость возвратишься.

там — собою будь, как до изгнания.
 там — целуй свой неживший грех.

III.

ибо нам не осилить пути.

Денис Новиков

говори обо мне, словно речь плавника,
 словно зреньё — не юный простор мудака,
 словно завтра — не посвист с вещами,
 а — осколочный сор: сам-плавник, сам-мудак,
 белый хохот пространства, большое «за так»
 в еженощном твоём обещанье.

словно бес — в поражённое смертью ребро,
 говори о себе перед вечным зеро,

золотым завитком у пэчворка,
вся боляща и льнуща, как юность в плече,
без «вообще», только — прах в очумелом луче,
в свете ужаса, сна и восторга;

и — восторгом овеяв полуденный прах,
помолчи обо мне — на пэчворкских ветрах,
в кратком зове о босхе и глине, —
ибо свет нефонарный — пространство огня,
ибо мне не осилить тебя и меня,
как елабужной жути — марине;

так прости мне — пожар, я тебе — колдовство,
ибо слово себя не простит самого
за отеческий бред перочинный,
отпуская — в беспамятство, в звёздность и в ночь —
плавниковую речь, белокурую дочь,
тех, кого приручили.

* * *

белый снег на нетреснувшей этой земле,
серый лёд от поста до погоста,
что и сам я — не путь, утонувший во мгле,
а — чумное застолье, танцор, дефиле,
косноязычье невысокого тоста:

сам себе раздеваюсь, понтуюсь, пою,
в ускользнувших гостей выпускаю змею,
обнимаю оставшихся в гущи;
но осталось — в пыли соцсетей — интервью,
словно райский просвет на содомном краю,
где — с улыбкой змеиной цветущей —

кумиресса звенит про ушедшее зло
и в письме леденит обалдело,
будто сердце моё вместе с ней не цвело,
в несвободном паденье не пело,

не легчало, и вновь — из безмолвных низин,
прочь — в неё, к невысокой гордыне:
уходи, я тебе не отец и не сын,
я — иуда меж срубленных этих осин,
вечный сон о плече и о сыне

и безмерный второй — о плече и Отце;
но сейчас не держи меня крепче,
и ночное юродство — как Божий прицел
в подражанье беспамятству речи,

где нахлынул прибой — и отхлынул прибой,
пограничный дедлайн, совпадение с собой,

мир, вернувшийся к чёткости линий,
мир, забывший — и вспомнивший нас на слабо
и упавший в траву, опалённый Тобой,
под киркоровский цвет синий-синий

* * *

сохрани его, дерево сна, отдохнувший труд,
в экзэшной ночи — гетеронимом, клоном, гримом;
всё — свобода, а есть ли, Ты есть ли, Ты есть ли тут,
нет, не маслом легчайшим — а грешным, большим и зримым;

всё Ты слово, Ты речь, всё Ты пепел или огонь,
снова голос из дыма — и вновь приглушённый пепел;
а давай по-простому, без тяжбы: спаси, не тронь,
как мужик с мужиком — чисто сделка: спросил — ответил,

я тебе, всё тебе, я тебе... что Тебе тогда:
вновь соседей убить, апельсины свои и песни;
есть ли Ты, есть ли здесь, в этом дёгте труда, труда;
если есть — на глазах появляйся, умри, воскресни,

в чистой саже лица, затаившего такт и лесть;
в том, что утром не вспомнит, — сойдёшь охлаждённым тоже;
так смертельно и празднично — есть ли Ты есть ли есть
так предгорно и стыдно — что выстрел не Твой ли Боже

в этом блюде и мёде рождественской маеты
так вокруг никого лишь пришли-подмели-ушлыли
затхлый ветер уносит соринку а Ты а Ты
и в башке огнестрельной во аде не Ты ли Ты ли

* * *

Людмиле Вязмитиновой

где каждый близкий с рождества под дулом невозврата
и с детства вычерчен асфальт: вот нолик, вот беда, —
не надо уводить, язык, потерянного брата,
вести ко мне по кольцевой в прицельное «сюда»;

отдай вразвалочку огонь — в ладони одиночек,
где новой черни позывной звучит как блоковский гудок,
а в ухо — крик о мудаках дорвавшейся до точек,
так, боже, страшно одинок, так, боже, одинок,

что мнится — кончится как Бек: неходовое золото,
культура в старческих руках — в растерянность родне;
отсыпь иллюзий пощедрей на все её «не надо»,
не всколыхни неверный гул на неглубоком дне,

что чуть над бездной воспарит — и поутихнет вроде,
в потёмках лешие души, забьётся дивный страх,
посажен памятью на цепь — и ни один не бродит,
лишь прежний розанов сидит на гнущихся ветвях,

с листочком клейким под рукой плодит свои подобья,
и вновь скорбящая встаёт — и запирает дом,
пока тусовочный содом — и небо исподлобья,
пока горит её планшет немеркнувшим огнём

* * *

где звонит телефонное облако-сын,
проступая из тьмы меловой,
и в мембране — слова из плетёных корзин,
колыбелька к воде головой,
травяное ку-ку, шаровое ква-ква,
роза, росчерк, режим, —
— не покинь, — говорю, — за-слова,
наделённые детством большим,

с перспективой из самого синего льда,
с голубым пулемётным огнём,
бологое, будённовск, беслан и беда,
бог, который всегда не при нём;
пролетающий:
— облако, рома, аминь, —
жёлтый лес и струящийся мох,
— как горит, — говорит,
— говорю: — не покинь
пепел, ветер, письмо,

рыжим дымом объятый свой лучший росток,
свой побег молодого огня,
эту тайну, что несколько строк,
что учитель умнее меня;
через веру в пятьсот эскимо вопреки,
в миллион охуительных роз,
проступает осколок из детской руки,
что на небо внезапно пророс

* * *

Роману Шишковой

I.

— лунный, как приём, зачем раздет
на дожде и боль дрожит живая? —
пропевает: — я лисёныш-свет,
братец подступающих планет,
форвард обступающего лая;

где горела память — щиплет йод;
рай-земля, где злились и гуляли;
и тебя не знаю — значит, врёт
бережный пушок-светодиод
с певчей ранкой в щуплом окуляре;

вот сейчас прорвётся — не сломай,
запоёт на весь вагонный рай;
не подпой — не в той учили школе;
и простые — «слава», «воздух», «рай» —
пенки, травянистые бемоли;

не спугни — так жутко и светло
молоку, чернея о целане;
вот застыло и переросло,
вот летит, пломбира два кило,
твоего забвения сценарий;

встреча-самолётник на потом,
нотный хохот в бортовой тетради.
взрослое в протянутой: «о том?». —
детское плечами: «бога ради».

II.

Это чьи-нибудь семнадцать лет...

Сергей Королёв

это чьи-то двадцать, сон во сне,
лонг-листы, полутона, цикада;
мимо мчащий, бдящий обо мне,
двести лет молчащий обо мне,
в зарослях не находящий брата;

я смотрю в окно миллионы лет,
временем беременный, как рыба;
ходит по бульвару толстый мент,
встретишь — обними за этот свет,
прогони и не скажи «спасибо»,

пусть судачит — сам-вода, сам-дно —
где-то удивившемуся богу,
как возможно: череп, снег, окно;
тот, мерцавший, скажет: «всё равно»,
протечёт по ленте, скажет: «много»,

скажет: «сложно», сленг по словарю,
снег по снегирю. смотри: дорожка
долго не расчищена. смотрю.
рядом будь, я скоро докурю,
и ступай, а я ещё немножко.

ВАРИАЦИИ

I.

где небесная живность болит человек
и цветущая рана легка
где в земельном разломе стоит человек
с молчаливым лицом цветника

будь блажен двадцать первый непрерывных стрел
тех что пенье и ветки в огне
за того что помимо лица посмотрел
и невзглядом понравился мне

а когда и в цветенье ночном никого
подземельем «уйду не могу»
помолись человеку и саду его
человеку и саду в снегу

II.

где прежний человек земли его разлом
лица его бензин и всё огонь болящий
где новый человек дрожит цветущим сном
и видит дивный сад и над огнём встающий

гори мой новый день в огне цветущих стрел
за тех что видят сад и говорят о праздник
за нового того кто мимо посмотрел
и страшен мимоцвет о бред и собеседник

а если и в его цветенье «не могу»
и страшно в темноту в сияющее мимо
он видит сад слепой там человек в снегу
оставивший творец и свет неразличимый

* * *

Полине Барсковой

как пишешь ты ночью «простимся в упор»
в созвучье бессонном и адском,
так пишет барсковой расстрелянный гор
в заснеженном сне ленинградском:

— я смертельно убит, недолюблен и гол,
полз к тебе по блокадному снегу;
говорил «подойди», но никто не пришёл;
«обретай», говорил, но никто не обрёл;
дай доесть хохотунью ревекку
и в ладонях держи мой расстрелянный прах до утра,
словно ягоду смерти, сестра.

так сердце твоё светоёмко горит
в очкастом труде непобедном,
что каждый из нас вырастает навзрыд,
колеблем бедою и ветром:

я стучался в окно, где возлюбленный брат,
пылью был и кричащей горою;
отвечал белый шум, пустота, пип-парад,
что мечта — на ремне и в клею — ленинград;
не люблю, не пущу, не открою;
ты одна мне — кровавый экслибрис, бессмертья пора,
дай погрызть беззаветное сердце твоё до утра,
укачай, золотая сестра.

когда мы — и зальцман, и гинзбург, и я —
встаём над крылатой долиной,
в нас кружится смерть — молодая шлея —
с нерайской улыбкой змеиной:

— каждый поезд себе, кисловодск и челяб,
сам открытая власть и затворник;
говори только с тем, кто безумно ослаб,
пусть живыми встают из расслабленных лап
нищий ангел и съеденный дворник, —

— так бормочет она, неархивна, как боль и беда;
так она говорит, словно голос уже неотсюда,
и над нею всю ночь, словно раненый отблеск труда,
как блокадный трамвайчик словесного блуда,
молодые стоят провода

* * *

Анне Маркиной

смотри: вот это литпроцесс, а вот звезда в губе,
а это лес, блеснувший лес, сам-тишина себе
там день без малого вранья, там я, и жданный,
и ночной,
теперь, о дочь, о жуть моя, поговори со мной

там чудеса, там ты меня без мысли о любви,
сидит шаламов у огня, весь в нимбе голубом,
колымский свет над ним поёт о том, как не проси,
и зэки слушают на взвод, транссиб и новосиб,

и потому что свет взрывной в осколочной губе,
он тоже облако себе, чудовище себе,
во рту огромном темноты, внеплановом дыму,
уже поблизости не ты, а кто — я не пойму:

он издан весь и в смерти весь, он полудённый брат,
но голос говорит, что месть и зеркалу не рад,
стоит, я вышел — я ушёл, что мне твой зов и вой,
как будто сам себе укол — верблюжий, горловой,

вакцина в дымовом плече, на музыку слова;
но он лишь бог или ничей — и тянешь снова,
как через час земля жива, как песня осетра,
сидим, зажившая трава, у одного костра

* * *

когда-нибудь, прелестное создание,
мы станем вровень вдоль пространства ада:
не ты нарцисс, а я чертополошный
расцветший бред — арсению Мариной;
не имени аминь в артельной гонке
(«так побежала — словно засверкала, —
отхлёбывает чай воспоминанье, —
остановилась лампочкой погасшей.
жена. в общаге выключили свет»).

когда-нибудь, прелестное создание,
ты повзрослеешь — и меня увидишь:
и этот сердца пафос невъебенный
за тенью слов — увидишь по-другому:
как сердце, истаскавшись по борделям,
так глупо хочет слома и тепла,
чтоб на хер всё — и всё же постоянства,
того, что есть у всех, — и не дано.

лицом к лицу — и к чёрту расстоянья:
все двадцать два мои полуслепые,
все восемь лет ебучего эйджизма
сминает время в детский завиток.

так страшной осенью, возвышенные разным:
я — ревностью и светом белокурым,
ты — выстрелом сквозь пёстрые очки,
без рук вблизи (их накрепко разъяли),
без — до звоночка — нежности заплечной;
ты — с молодым, я — с постаревшим сердцем, —
в единый дом — с часами за стеной.

* * *

Ты тёмная личность...

Денис Новиков

распростёр в познание ночной шатёр —
только, мой доверчивый, и видали;
а внизу алмазы, неробкий хор,
ограняясь, оду поёт детали:
ясен-ясен белый себе отцу,
чёрен чёрный, как ты ни пестуй сына;
будь блажен, огонь моему лицу,
человека тёмная половина,
что небывшим акмэ идёт-гудёт,
точит зуб на скрывшееся в минуте:
озаренья блик между всех тенёт,
невеличка-спичка придонной жути:
осветила, спела из белой мглы —
зэцкий рот в коронках, всем лыбам лыба;
не хочу в дневные Твои углы,
дай усмешку дна — и за то спасибо:
за вагон необщий, ограду рта
с неалмазным запахом перегара;
отправное чёртово «никогда» —
перелезший дух, заполярье дара.

* * *

Светлой памяти Юлии Началовой

это было воронежем, блажью, ножом,
было связью времён — разливным, проливным,
женских слов любовых первопутком;
а теперь отстающий — торопится в дом,
и не ставшее дымом — торопится в дым;
не так громко, беда, хоть минутку,

дай тебя разглядеть в этой бездне имён,
дай бессхемно ощупать, что разум не вем
в оливьежном стыде говорливым,
где небывшего детства смеркается фон
и с экрана звучит, и становится всем:
то ли смертному ветер с разлива,

то ли в уши попса, то ли ангел в глаза,
то ли папину дочку ведут в небеса
по аллее кривой полузвёздной,
то ли девочка морщится в свет голубой,
полдетдома на завтрак ведя за собой,
словно миша — страну в девяностый;

то ли век перед смертью пропел о любви
(со слезами — блондинистой чистой любви);
щёлкнешь пультом — ни века, ни девочки нет,
только лёгкая ранка на теле:
ночь. аптека. подлёдная рябь эмтиви.
и нетварный фонарь, подменяющий свет,
нам горит — молодым и артельным.

* * *

...в мерзкий мрак в отвратительный хаос

Лев Лосев

через два на оставленном снова цветы и трава
 то что было — в огне
 то что стало — в окрасе военном
 и становятся большим не звуком не смыслом слова
 а гудящим и к Богу жужжащим двоением
 никогда не со мной наравне

где Ты был опустивший на миг в поучительный мрак
 чьи ладони поил в этот час отчуждённо и чисто
 а спасала не вера в Тебя и не друг и не враг
 только ждущих имейлы и ровные стопы бумаг
 мелким бисером аккуратиста
 никогда не с Тобой наравне

с кем Ты был пробежавший палимо по хрупкой траве
 птицу чью ненадломленной вере учил
 перестукам эзоповым брайлевым точкам
 а срослись позвонки не от долгой дороги к Тебе
 не от времени не от побед
 от латанья дыры одиночной

снова штопает рану дневной человек
 чтобы снова во тьму —
 дать отчёт о последней минуте

и сидим и глядим исподлобья

как мучитель на лысину ссавший и зэк
 через годы
 в кафеинном уюте